

Две сестры, или: которой отдать преимущество?

Автор: Глинка Федор Николаевич

ДВѢ СЕСТРЫ, или: которой отдать преимущество?

Я знаю двухъ сестеръ.... Какъ это слабо выражаетъ мои отношенія къ двумъ милымъ, прекраснымъ существамъ! -- Я люблю, люблю пламенно двухъ обворожительныхъ сестеръ и сія любовь не знала бы предѣла, если бъ это прекрасное, высокое чувство могло быть рѣшительнѣе, безъ колебанія, безъ двойственности. Но я чувствую, что оно не можетъ быть полнымъ, единственнымъ, отъ непрерывнаго уклоненія то къ старшей, то къ младшей сестрѣ. Обѣ прелестны, но каждая имѣетъ свои особенныя прелести; обѣ привлекательны, но влеченіе къ нимъ не одинаково. Одна сіяетъ, въ полнотѣ своей красоты, какъ ясный, погодный день, обнаруживающій всю живопись окрестностей, всю роскошь природы. Душа погружается въ нѣкое упоеніе, увидя сліяніе горъ съ поднебесностію, небесъ съ стекловидностію моря; луга, подстилающіеся подъ рощи; большія дороги у лежащія, какъ развернутые свитки и сады, какъ картины, окруженныя рамами своихъ оградъ. Но очарованіе, такъ сказать, рѣдко изтощается, когда душа, уносимая красотами великими, но единообразными, не находитъ новой пищи для новаго возхищенія. Напротивъ, другая мила, заманчива, привлекательна, какъ лунный вечеръ позднихъ дней лѣта. Я люблю такіе вечера! Бѣлые туманы, то затопляя, то выказывая закругленные холмы, чернѣющіеся лѣса и развалины замка на остріе скалы, волнуются, застилаютъ бѣлыя скатерти, или накидываютъ трепещущую дымку, которая, ничего не закрывая, ничего и не выказываетъ. Душа любитъ погружаться въ сіе смѣшеніе блѣднѣющаго свѣта, синевы синевы небесной и сизаго сумрака; любитъ ловить предметы среди зыбучихъ тумановъ и странствовать за разнovidными тѣнями, которая, какъ будто живыя, слѣдомъ за думою перемѣщаются изъ долины въ долину, отъ холма къ холму. Такова вторая сестра, неимѣющая ничего блестящаго, но полная очарованія. Какъ прекрасна старшая! Вообразите станъ и поступь Минервы. -- Что-то греческое въ лицѣ свѣтломъ, что-то римское въ осанкѣ величественной. Разумъ и тишина сіяютъ въ большихъ, голубыхъ очахъ ея, ненарушимое спокойствіе въ чертахъ лица, въ чертахъ, которыхъ согласіе есть согласіе превосходной музыкѣ.-- Все въ ней правильность, во всемъ отчетность. Каждое движеніе -- мысль; каждое слово -- разумъ. Высокое краснорѣчіе льется изъ полныхъ, румяныхъ устъ, формы ея роскошно округлены и въ самыхъ складкахъ одежды -- обдуманная искусственность, умъ и приличіе. -- Важность сопутствуетъ ей, ослабленіе устъ соотвѣтствуетъ мысли, сіяющей на возвышенномъ челѣ. -- Все въ ней открыто, все ясно. По виду -- Юнона; мудростію -- Минерва, осанкою -- царица! Большая златострунная лира, украшенная драгоценнѣйшею отдѣлкою, въ высокомъ древнемъ вкусѣ, часто обращается въ красивыхъ, полныхъ рукахъ и звѣнитъ подъ Сѣдыми, округленными перстами ея. -- Что скажу о пѣсняхъ, которыя она поетъ о Царяхъ, о народахъ, о великомъ, о божественномъ?... Величественны и безсмертны, какъ возвышенная поэзія, онѣ важны, усладительны и согласны, какъ гармонія вселенной, какъ бесѣда вѣковъ, коей внимаютъ поколѣнія мимотекущія. Сіи пѣснопѣнія дѣйствуютъ прямо на разумъ, утоляютъ страсти, возвышаютъ душу. -- Такова сестра старшая.

Какъ прелестна младшая сестра! Уловите кистью красоту радуги, лентою простилающей между слоистыхъ тучъ; опредѣлите музыкальными нотами переливы звуковъ, склоненіе перекатовъ колѣнчатой пѣсни соловья! Изобразите на холстѣ быстро-перемѣнчатая оттѣнки на лазоревой шеѣ птицы Юнониной и тогда развѣ постигнете всю прелесть, всю миловидность младшей сестры! -- Но она не прекрасна, но величественна, въ ней ничего нѣтъ важнаго, почти ничего правильнаго. Легкость -- ея примѣта; чрезвычайно стройный станъ -- черта ея красоты; какая-то дѣтскость, простодушіе, сердечность: вотъ абрисъ ея нравственной фізіономіи. Ея одежда, почти небрежная, всегда у ней къ лицу. -- Я не могу списать ея лица:

оно не уложило и для самого искусного карандаша. -- Я знаю только, что локоны каштановых волос ее, случайно разбросанные по плечам, прелестны; что миловидность лица возхительна и что в глазах ее есть нечто околдовательное. -- Часто я засматриваюсь в поэзию сих глаз и прочитываю в них больше, нежели в огромных фоліантах холодной прозы. Она,-- (я продолжаю говорить о младшей сестре,) так же имеет свое музыкальное орудіе. -- Часто гибкие персты ее пробѣгающіе по клавишам гармоніки. Какіе звуки! Всѣ нервы приходятъ в движеніе, подгрудіе наливается тоскою, фантазія откликается, какъ будто на знакомый зовъ, воображеніе пылаетъ и весь я внѣ себя отъ тоски, отъ упоенія, отъ непостижимой тревоги чувствъ, отъ сладостнаго смѣшенія ощущеній, Эта младшая сестра имеетъ свои милыя причуды, свои плѣнительныя прихоти. Ее уединенныя прогулки разнообразны, какъ и все в ней разнообразно. Разъ я видѣлъ ее, высоко отъ земля, на самомъ остріи скалы. Тамъ, подъ навѣсомъ тихаго неба, на которомъ жаркая позолота заката мѣшалась съ свѣтлымъ румянцемъ вечерней зари и съ серебристымъ сіяніемъ выступающаго мѣсяца, в бѣлой одеждѣ, подъ голубымъ покрываломъ, она стояла в живописной неподвижности, какъ геній, изваянный рукою великаго художника, какъ легкое видѣніе, внимающее сладкія, привѣтливья ощущенія. Но она любитъ скитаться и подъ воемъ осеннихъ бурь и всматриваться в страшныя картины неба, на которомъ тучи громоздятся, какъ густыя ополченія сражающихся человѣковъ. В запусѣлыхъ башняхъ ставитъ она Эолову арфу и долго, долго подслушиваетъ, какъ будто желая затвердить и потомъ кому нибудь пересказать тѣ прерываемыя, дикіе звуки, тѣ переходы заунывные, тѣ отголоски, похожіе то на плачь, то на тоскливое сѣтованіе, напоминающіе все бывшее, все минувшее, то чудное смѣшеніе воплей и пѣній, которое родится отъ мимолетнаго прикосновенія пустыннаго вѣтра къ звонкамъ, упругимъ струнамъ. Она любитъ странствовать по развалинамъ рыцарскихъ замковъ, опустѣлыхъ храмовъ, упраздненныхъ монастырскихъ писателей, посѣщать хранилища древняго оружія, гробницы, украшенныя гербами, памятниками пышной жизни и боевой славы людей, которыхъ уже не стало! Какъ волшебница Фесалійская, она умѣетъ возбуждать мертвыхъ на кладбищахъ! по гласу ея они встаютъ в бѣлыхъ саванахъ и, длинными рядами проходя мимо колдующей, рассказываютъ ей были минувшаго времени. Несравненно больше прихотливая, она менѣе разборчива, чѣмъ старшая сестра, в выборѣ предметовъ для пѣнія. Съ добродушною охотливостію она рассказываетъ сказки и повѣсти, напѣваетъ элегіи и баллады, и плѣняя, увлекаетъ васъ отъ сухой, безцвѣтной существенности в какую-то невѣдомую страну очарованія, гдѣ человѣку, болѣзнующему душею, такъ весело забываться и обманываться. Не одни чертоги Царей, не одни великія явленія міра бываютъ содержаніемъ ея пѣсней.

Она передаетъ событія, случившіяся в хижинѣ посѣлянина, в шалашѣ пастыря, в кибиткѣ степеннаго жителя, в аулѣ Черкеса и в чумѣ Лопаря.-- Младшая сестра любитъ города древніе, гдѣ все говоритъ воображенію и чувству, гдѣ, на обломкахъ зданія, глубоко запечатлѣны слѣды вѣковъ. Прямыя улицы, красивыя площади зданія великолѣпныя, хотя и единообразныя, порядокъ и правильность нравится старшей. Превосходно ея краснорѣчіе! Сама прекрасная, какъ поэма, она внушаетъ восторги высокіе, раждаетъ думы величественныя, вводитъ душу в сферу благороднѣйшихъ наслажденій, знакомитъ ее съ высокими идеалами. В ея рассказѣ единство, гармонія, истина. Заманчивы, плѣнительны повѣствованія младшей сестры! При ней пробуждаются мечты, освѣжаются надежды, воскресаютъ воспоминанія и все семейство страстей, сопріродныхъ человѣку, приходитъ в движеніе. Что есть жизнь безъ бурей и случайностей? спросилъ я однажды у младшей сестры. вмѣсто отвѣта, она указала на пространное озеро, медленно, какъ человѣкъ, изтаявающій отъ смертоноснаго недуга, замирающее в заглохлыхъ берегахъ, исчезнувшее подъ густымъ наплывомъ тины, покрытой зеленью, мхами и папоротниками. Я понялъ смыслъ сего указанія. Такъ душа, оторванная отъ общества существъ, ее понимающихъ, неосвѣжаемая обмѣномъ ощущеній и мыслей, ни огненнымъ вѣщаніемъ вдохновенія, ни порывами восторговъ, ни бурею жизни, увядшая, стѣсненная пресмыкающимися нуждами, лишается піитической жизни своей и, в холодномъ безстрастіи, в гробовомъ спокойствіи ненарушимаго единообразія, предается дремотѣ, самозабвенію, чтобы наконецъ в глубокомъ усыпленіи прійти в оцѣпененіе,-- не пылать, не волноваться; существовать, но не жить.

Однажды была гроза и буря. Густыя тучи, набѣжавъ, поглотили звѣзды. Половина луны, какъ будто отсѣченная мечемъ, долго бѣгала в разтревоженныхъ облакахъ. Наконецъ она исчезла. Заблистали изломчатая молніи, и живописно браздили черное, безсвѣтильное небо. Валы свинцоваго цвѣта, в вѣнкахъ изъ бѣлой, кружащейся пѣны, ходили, какъ привидѣнія, по озерамъ. В воздухѣ было душно, в лѣсахъ темно; только молніи озаряли высоты золотымъ огнемъ, а фосфорическія гнили, разсѣянныя по мокрой землѣ, сіяли серебрянымъ блескомъ и холодныя лучи земнаго встрѣчались съ пламеннымъ сверканіемъ неба.

Въ это время, въ этомъ мѣстѣ нашель я младшую сестру. Она сидѣла спокойно въ густомъ лѣсу, на изломанномъ бурей деревѣ. Суть ея, казалось, ловиль переливы свистящихъ вихрей, въ ея очахъ изображалось какое-то юродивое забвеніе, -- локоны длинныхъ власовъ, какъ и всегда, струились; крупныя капли, при свѣтѣ молніи, сверкали на нихъ, какъ уборъ изъ перловъ и яхонтовъ. Она не замѣчала меня, но я любовался чудесными прелестями сей уединенной очаровательницы. Она, мнѣ сдавалось, хотѣла постигнуть всю тайну бури, запомнить всѣ переходы грозы, можетъ быть для того, что бы послѣ все пересказать своимъ любимцамъ, умѣющимъ понимать ея странный языкъ, таинственную красоту бесѣды ея. Но гроза ночная исчезла вмѣстѣ съ ночью. Великолѣпно было утро освѣженной природы. -- На зеленомъ скатѣ, у подножія котораго лежалъ, какъ голубое стекло, зеркало-видный заливъ моря, среди зданій, увѣнчанныхъ красивыми куполами и миловидными тосканскими столбами, въ свѣтломъ приморскомъ домикѣ, живо напоминающемъ приморскій Плиніевъ домъ, нашель я старшую сестру. Великіе поэты Греціи и Рима окружали ее въ твореніяхъ своихъ. Въ рукахъ младшей я видѣлъ Данта, Аріоста; недавно перечитывала она Гетева Фауста. Старшая жила только среди ваяній и піитическаго вѣка древнихъ. Странно! я по какому-то прихотливому, безотчетному, чувству влекусь къ младшей сестрѣ; но старшая привлекаетъ меня къ себѣ. Любовь ко второй заставляетъ заниматься только ею; по любовь, соединенная съ уваженіемъ къ первой, сильно колеблетъ привязанность ко второй. Отъ сего мысли мои часто шатаются и я, колеблемый нерѣшимостію, уподобляюсь маятнику, равномерно движущемуся то къ той, то къ другой сторонѣ.... Которой же отдать преимущество?-- Я не смѣю рѣшить споръ. Можетъ быть, этотъ споръ занимаетъ теперь умы всего современнаго человѣчества. Молчу, что бъ говоря болѣе и менѣе, не подать повода подумать, что въ семъ иносказательномъ описаніи подразумѣваю поэзіи: Классическую и Романтическую.

Ө. Глинка.

"Сѣверные Цвѣты на 1828 год", СПб, 1827